

Вдохновенный певец Дона

**так называют
нашего
земляка,
создавшего
две трилогии
о казачестве**

Татьяна КУЗЬМИНА

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ губернатора Н.К. Максюты поэт и прозаик, член Союза писателей России Евгений КУЛЬКИН удостоен звания Почетного гражданина Волгоградской области. Как говорится, народ должен знать своих героев. Мы попросили Евгения Александровича поделиться с читателями «Волгоградской правды» своими мыслями о жизни и творчестве.

Корр.: Вы опубликовали шесть стихотворных сборников, две книги рассказов, две трилогии о казачестве, трилогию о Хазарском каганате... всего и не перечислить. Все ли получились из того, что вы задумывали написать?

Е. Кулькин: Чего не получилось, я просто не публикую... Серафимович как-то сказал, что для того, чтобы писатель мог считать себя состоявшимся, он должен выполнить определенную программу: написать о своем крае, о своем народе, о своем детстве, о своем времени и о личности, поразившей его своим масштабом. Я целиком согласен с писателем. Всю свою творческую жизнь я старался выполнить его завет.

С юности пример Шолохова был для меня стимулирующим фактором. Первый роман «Самый красивый парень» я написал в 16 лет. Правда, он просуществовал ровно год — я его сжег. Но в 17 лет сел писать второй роман — это был первый вариант «Смертного греха».

— Но ведь опыта никакого еще не было. О чем писали?

— Я с детства умел слышать и слушать. Это очень важно! Когда ты слушаешь окружающих, то даже то, что тебе, может быть, не пригодится никогда, оно в тебе остается. Я спорщиков слушал, никогда с ними не споря, больше вникал, размышлял. К тому же рано научился читать и писать, так рано, что даже не помню, когда это случилось. Годом к десяти уже прочитал все книжки в сельской библиотеке... И так вышло, что мне было чем поделиться. После первой части «Смертного греха» взялся писать вторую и третью части, затем — роман о Сталинградской битве (теперь он называется «Святой с минного поля»). О детстве своим поведал в романе «Последний день лета», в эссе «Знай обо мне всё». Сейчас в одном из московских издательств выходит моя трилогия «Мания» («Магия», «Мафия», «Масть»), повествующая о современности. А «Хазарань», три-

логию об истории родного края, это же издательство в прошлом году экспонировало на книжной выставке в Париже. Ее перевели на французский язык...

— Как, это возможно?

— Сам удивляюсь! В общем, завет Серафимовича я выполнил — обо всем написал.

— Но вы не назвали личность.

— Это Сталин. О нем моя трилогия «Обручник».

— Евгений Александрович, почему так охотно пишут о деятелях со знаком минус и гораздо реже — о хороших людях? Что о Сталине можно сейчас сказать такого, что помогало бы нашим соотечественникам жить?

— Это нужно читать... Мои многочисленные родственники сильно пострадали от сталинских репрессий. Но когда Шолохова спросили, действительно ли был культ личности Сталина, он замечательно ответил: «Да, был культ. Но была и личность». Все сказано! Наша беда в том, что все, что мы хотим понять, мы понимаем поверхностно. Сталина абсолютно всё ставят в вину. А один мой знакомый прокурор заметил с горечью: «Это НАМ развязали поганые руки».

— Не было бы переворота 17-го года, не было бы и «поганых рук»...

— Совершенно верно. Ленин пришел к власти случайно и не знал, что с этой властью делать. НЭП, по моему убеждению, окончательно окунул страну в грязь. А Сталин сумел создать систему! Именно ему мы обязаны индустриализацией! Он много размышлял. Я видел его личную библиотеку, полторы тысячи томов, между прочим. Он прочитывал 500 страниц в день, и не только прочитывал: они сплошь исчерканы его замечаниями.

— А как вы к жертвам человеческого относитесь?

— А как ты относишься к правилам дорожного движения? Их надо соблюдать или нет? Вот загорелся красный свет, а люди все равно прут и прут, не обращая никакого внимания... Это же беспредел, что творится на дорогах. В Бразилии только в прошлом году полицейскими на месте было застрелено 357 тысяч нарушителей. У них это называется — «вызов общественности». А у нас? У нас никого нельзя наказывать! При Петре Великом, при Екатерине, при любой сильной власти все держалось на страхе. А теперь демократия, видишь ли. Сталин навел в стране порядок. И цены каждый год снижались в марте, и налог был введен на бездетность. Зато теперь мы убываем как генофонд.

— Не кажется ли вам, что мы вырождаемся, потому что самых лучших уже уничтожили. И затем продолжили это «славное дело». В Афганистане, в чужой стране, 15 тысяч российских мальчишек пустили на пушечное мясо. В чеченской гражданской войне этих смер-

тей до сих пор никто не подсчитал — страшно. Парней только только вырастили, им бы жениться, а их — на бойню, в мирное-то время. Что ж тут удивительного, если российские женщины расхотели рожать детей. И никакой налог не может быть стимулом, когда тут такие горькие обиды.

— Я, еще будучи шестиклассником, задумался над тем, что может продлить полноценную жизнь. И однажды в школьном сочинении написал: интеллект, интерес. Когда человеку интересно, что еще он способен дать обществу, это и продлевает ему жизнь. Меня почему-то чуть из школы не выгнали за это... Думаю, я прав. Вот бывшая хорошая учительница часами сидит во дворе за вязанием. Это что, нормально? А ей бы кружки детские вести! Или мужики в домино режутся, вместо того чтобы с беспризорными мальчишками заниматься. А вот когда великий Павлов умер, он и на смертном одре хотел быть полезным для науки. «Не отвлекайте меня, не мешайте», — говорил, — наблюдать, как я умираю»...

— Много ли людей вас понимают?

— Таких почти нет. Но я и сам в этом был виноват. Я прожил свою жизнь, как хотел, и обманул всех, кого хотел: избрал себе образ безалаберного, разухабистого. Все меня считали за дурака и до сих пор считают те, кто не прочитал ни строчки. А я просто не желал быть как все. И сейчас не желаю. И это моя победа.

Вот я всю жизнь пишу стихи. Но с 80-х годов нигде с ними не лез, никого не упрашивал: дайте, напечатайте... А сейчас мой стихотворный двухтомник выходит из печати! В ВолГУ на кафедре русского языка составили словник по моему роману «Крушение», и оказалось, что

по объему он равен трем словам Пушкина... Меня называют последним певцом Дона, язык родного казачества сидит во мне... Меня как-то обвинили в том, что я употребил 708 слов, которые не встречаются ни в одном языке. Я ничего не ответил. Просто перечитал Толстого — все эти слова нашел у него. Или вот: что за «кострец», спрашивают меня. Беру Бунина, читаю: «У него на костреце болтался маузер». Грамотнее надо быть!

Почему язык сейчас умер? Он понес читателям только информацию, а должен нести картину. Вслушайся:

Обглоданная звездами листва...

...И покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег...

Вот как надо писать! К счастью, нынешнее юное поколение меня очень радует. Раньше чтение было наркотиком, а теперь молодые книг не читают — им неинтересно. В них чувство языка заложено генетически, они сами изумительно, образно пишут.

— Как же можно, ничего не читая, развить в себе чувство языка?

— У них вся информация — ТВ, радиостанции — трансформируется. Они ищут языковые открытия в себе. Я это вижу, общаясь с ними на факультете литературы ВолГУ, где я и Лиза Иванникова преподаем на недавно открытом отделении «Литературное мастерство». Это не самодеятельность какая-то, а приказ министра... Мы готовим редакторов. Через несколько лет читать и редактировать рукописи придут образованные, грамотные люди, понимающие, что такое художественный текст.

— Как вы относитесь к своей жизни?

— Я всегда говорю что думаю, хоть это не всегда совпадает с тем, что от меня хотят услышать. По-моему, главное — прожить так, как ты хочешь. Но при этом надо быть готовым к тому, что у тебя будет мало друзей и много врагов. А кто такие враги? Это несостоявшиеся друзья. Гораздо хуже недоброжелатели — это люди, которые сами не состоялись и находятся не на своем месте.

Самым большим грехом на свете я считаю зависть. Лично я всегда радуюсь, когда человек сумел чего-то достичь. Пусть даже я его не люблю, но я обязан его уважать.

— Кого в творчестве ставите впереди себя?

— Всех, причем выстроенных в затылок друг к другу. Но самый главный тот, кто идет последним. Для меня в двадцатом веке существуют три гения в литературе. Это Андрей Платонов, создавший политический и эмоциональный фон целой эпохи. Это Василий Шукшин, поднявший искусство диалога на недостижимую высоту, — у него прямая речь движет сюжет... И это Владимир Набоков. Если бы я на заре туманной юности прочитал его книги, я бы никогда в жизни не прикоснулся к перу. Лучше — я бы не смог, а хуже — не захотел бы.

— Какие качества в себе цените и какие не любите?

— Никаких не люблю. А уважаю себя за то, что я есть.

— Но это же не ваша заслуга. Вас родили...

— Нет, моя. Меня могло уже не быть, если бы 37 лет назад я пить не бросил.

— Вы совсем не стесняетесь говорить об этом...

— Почему я должен стесняться говорить, если я уже все честно о себе написал в романе «Плач о самом себе»...

— Эту вещь не читала, но помню, вы мне рассказывали: «Было время, я вел себя безобразно, а мама ни разу меня не упрекнула, просто верила в меня — молча».

— Именно молча и всегда! Ее веру я не мог обмануть. Каждый день перед сном у меня час благодарения. Господа благодарю за то, что дал мне такую мать, дал друзей и дал врагов, помогших мне распознать величие моих друзей. Веду дневник добрых дел, где пишу о людях, с которыми сводит меня судьба. Когда кто-то из них делает мне плохо, я никогда не обижаюсь. Вот если только пойму, что это откровенный мерзавец... Но такие мне не встречались.

— А если вы сами ненароком сделали кому-то гадость?

— Я гадость не могу сделать, потому что я на это не способен.